

Новак Юлия Валентиновна, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, аспирант кафедры философии и методологии Республиканского института высшей школы, г. Минск, Беларусь, Белорусский государственный аграрный технический университет, Научный руководитель: Берков Владимир Федотович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Академии управления при Президенте Республики Беларусь

МАРКСИЗМ В ИСТОРИОГРАФИИ: «ОСТАВИТЬ НЕЛЬЗЯ ОТКАЗАТЬСЯ»

Реактуализация разговора о перспективах применения марксизма в историографии выглядит как попытка зафиксировать произошедшие изменения в духовной и предметно-практической деятельности человека, что существенным образом трансформировало его образ жизни, его мировоззрение, способ его социального существования. Это своего рода попытка создать новый исторический образ самого себя, положить его в основание нового исторического мифа, сделать фундаментом новой идентичности. Ведь для марксизма, история есть «не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [4, с. 102].

Свой путь марксизм проходит в разных ипостасях: как прогрессивная идеология, как научный метод, как философская теория. Возникнув в XIX веке в западноевропейском регионе и объясняя события и явления, происходящие в нем, тем не менее марксизм становится «судьбой» советской действительности, одновременно создавая ее и пролонгируя ее во времени и пространстве. Именно после своего более чем 70-летнего бытийствования в советской исторической действительности в форме марксизма-ленинизма, марксизм довольно жестко подвергается критике и как идеология, и как научный метод познания социальной действительности.

Таким образом, перед нами стоит две задачи. С одной стороны, необходимо разобраться, в чем состояли основные претензии к советскому официальному марксизму, по итогу инициировавшие вопрос об отказе от марксизма как научной методологии в социогуманитарном знании (и почему это так и не произошло). С другой стороны, необходимо прояснить основания, которые дают нам увидеть в марксизме потенциал на его дальнейшее продуктивное и перспективное использование в гуманитарном знании. Рассмотрим данный процесс методологической трансформации марксизма на примере ситуации, сложившейся в советской и частично в постсоветской историографии.

«Оставить нельзя, отказаться». Историография советских республик по сути дела была лишена возможности свободной научной интерпретации марксизма, опирающейся на свой собственный национальный социокультурный и политический контекст. Основные темы для исторических исследований (и список табуированных тем), методологический инструментарий, дозволенные формы научности и преподавания – все определялось партийным центром и не подвергалось существенному пересмотру или критике на местах. Любое отклонение от общезаданного мейнстрима, как правило, жестко

подавлялось, а над исследователями-историками, пытавшимися осуществить прорыв в сторону расширения поля интерпретаций марксизма, устраивали публичные расправы, различными способами лишая их возможности заниматься научной деятельностью. Так, из российской истории историографии можно вспомнить преследования Н. И. Кареева, Д. Б. Рязанова, «академическое дело» С. Ф. Платонова, «дело А. М. Некрича». В белорусской истории историографии подобная ситуация складывается вокруг личности и научной биографии Н. Прашковича (в 50-е-60-е гг. XX в.), неудачной научной судьбой которого некоторое время даже пугали студентов-историков БГУ [5].

Основной упрек советскому марксизму заключался в его тотальной политизированности, превращения живой прогрессивной научной методологии в идеологическую герметичную доктрину, обслуживающую интересы сложившегося тоталитарного режима. По этой причине, после распада СССР и взятого обществом курса на либерализацию всех сфер социальной жизни, в марксизме видели в первую очередь, идеологию, мешающую этому процессу. По этой причине, на постсоветском пространстве в сфере социально-гуманитарных наук, в том числе и в историографии, наблюдалась мощная «откатная волна», угасание исследовательского и методологического интереса к марксистской теории. Где-то это происходило вполне естественным путем, а где-то подобный процесс «забывания» марксизма инициировался вполне волевым способом [3; 6]. Причем, судя по воспоминаниям многих исследователей, данное положение дел сложилось задолго до «перестройки», еще в 70-е гг. Как пишет об этом С. М. Соловьев, «речь не идет об очередной теории заговора, но есть все основания утверждать, что в деле избавления от марксистской теории оказались объединены усилия партийной бюрократии и либерального истеблишмента» [7].

После отказа от марксизма предпочтение отдается позитивистской методологии, которая казалась более подходящей для переходного периода в исторической науке (потому как целенаправленно носила описательный характер, избегала теоретических обобщений, обходила стороной вопрос о ценностях и идеологии в научном знании). В качестве еще одной причины, способствовавшей быстрому возврату к позитивизму в историографии, С. М. Соловьев называет также максимально формальное использование «марксистской методологии» советскими историками (механический подбор соответствующих цитат классиков и мыслительных схем, упоминаний о классово-вой борьбе и пр.). Такой «марксизм» дискредитировал сам себя и все больше превращался просто в маскировку самого обычного позитивизма, «так что переход ряда историков в 90-е гг. к позитивизму произошел на заранее подготовленные позиции» [7].

В 90-е гг. XX в. открывается доступ к ранее закрытым источникам и архивам, к ранее запрещенным историческим темам. Открываются новые возможности интерпретировать историческую действительность иначе. Однако при этом наблюдается интересный эффект. Если раньше в научных журналах конкретные спорные или ранее запретные сюжеты представлялись в виде «круглых столов» историков, философов и общественных деятелей, то с

конца 80-х гг. «новации» появляются без какого-либо обсуждения. А в отсутствие комментария они фактически подкреплялись авторитетом издания [7]. Дальше – больше: вместо дискуссионного пространства на страницах исторических и общественных изданий стали создаваться новые культовые фигуры и исторические мифологемы, мало чем отличающиеся от своих старых образцов как по методам внедрения, так и по их инициаторам. Одновременно с этим попускалась ситуация «очернения» советского прошлого, выпячивая в нем периоды сталинских репрессий и террора, а возможности осуществления экспертной объективной переоценки большевистского и марксистско-ленинского наследия ограничивались с помощью использования властного ресурса и СМИ (например, роспуск Института марксизма-ленинизма, невыполнение обещания предоставления доступа в архивы, задержка публикаций, реабилитирующих советское прошлое, сокращение тиражей изданий и т.п.).

Изменения происходили и с самими исследователями как субъектами познавательного процесса. Дело в том, что произошла своеобразная инверсия: те, кого в советские времена критиковали и «наказывали» за недостаточное соответствие марксистскому методологическому канону, и кто, соответственно, в тех обстоятельствах выглядел как «подрыватель» устоев, в 90-е гг. переквалифицируется в тех исследователей, которые были более всего заинтересованы в возвращении марксизму его обновленного облика, свободного от индоктринации. Напротив, многие исследователи, которые в советские времена публично стояли на защите марксистского учения, при первой же возможности от него отказались.

Наряду с лежащей на поверхности необоснованной идеологизацией марксистской методологии в советской историографии, одним из менее очевидных недостатков, но не менее важных, можно назвать созерцательность советского марксизма, его оторванность от общественно-исторической практики. Так, белорусский философ, методолог В.Ф. Берков подробно рассматривает эту особенность в ряде своих статей, указывая на тот факт, что упущение советскими методологами и историографами из виду некоторых работ молодого Маркса («Тезисы о Фейербахе», «Экономическо-философские рукописи 1844 г. и др.) носило не случайный характер, а во многом определялось политической конъюнктурой того времени [1]. В. Ф. Берков допускает мысль, что В.И. Ленин в своем истолковании «Тезисов о Фейербахе», в частности, первого из тезисов, умышленно опускает понятие практики как отличительной черты нового понимания материализма [1, с. 71]. Тем самым разговор о сравнении «старого» и «нового» материализма переводится в иную плоскость: «общественно-историческая практика, дающая возможность выделить созерцательный и практически действенный материализм, в ходе рассуждения у В. И. Ленина подменена методом мышления (курсив автора – Ю.Н.), позволяющим говорить о диалектическом и метафизическом материализме» [1, с. 72].

Если учесть тот факт, что в советское время В. И. Ленина не принято было критиковать, а любые его высказывания рассматривались как истина в последней инстанции, это приводило к закреплению в теоретическом (и по-

литическом) пространстве урезанной трактовки марксистского учения. Чаше опирались на работу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», чем на его более зрелую работу «Философские тетради», где понятие практики трактуется близко к пониманию самого К. Маркса: не только гносеологически, но и онтологически.

Указанная общая методологическая установка без существенных изменений переносилась и на сферу образования. Так, можно вспомнить учебник для вузов под редакцией Ф. В. Константинова «Основы марксистско-ленинской философии», выдержавшем 6 (!) изданий (1958-1982). «Тезисы о Фейербахе» в данном учебнике ни разу не упоминаются, «Философские тетради» В. И. Ленина не рассмотрены в связи с понятием практики, а в разделе, посвященном категориям материалистической диалектики, проигнорированы важнейшие деятельностные категории цели, средства, результата и т. д. [1, с. 74].

Очевидно, что в таком виде марксизм не мог оставаться в качестве прогрессивной методологии для социогуманитарных исследований, потому что прогрессивная часть этой методологии, касающаяся применения деятельностного (практического) принципа как средства познания и обладающая реальной объяснительной и предсказательной силой, долгое время понималась весьма ограниченно (созерцательно и формально).

Сам марксизм, будучи наследником гегелевской традиции историзма и применения диалектического метода, принципа деятельности к историческому процессу и развитию знания, был способен избежать подобного рода перекосов. Мы можем это наблюдать на плодотворном и удивительно разнообразном поле западной социально-гуманитарной мысли, методологически опирающейся на наследие Маркса. Ей удалось избежать подобного тотального индоктринального влияния.

Насколько позволял политический и исторический контекст, «работу над ошибками» осуществлял постепенно и советский марксизм. Можно вспомнить 60-е гг. и таких авторов как Э. В. Ильенков, Г. П. Щедровицкий, В. С. Стёпин, И. С. Алексеев, Э. Г. Юдин, В. М. Межуев, написавших свои труды под воздействием опубликованных тогда на русском языке ранних рукописей К. Маркса. В советской историографии это были Э. Н. Бурджалов, И. Д. Ковальченко и др.

«Оставить, нельзя отказаться». Что же нужно марксизму, чтобы оставаться прогрессивной методологией исторического исследования на современном этапе развития науки и общества?

Во-первых, необходим возврат к марксову понятию практики как человеческому способу жизнедеятельности. Значение этого понятия у Маркса можно раскрыть через ряд тезисов, приведенных здесь в формулировке Комарова А. И. [2, с. 118-119]:

1. Производство есть специфически человеческая, родовая жизнь. Это универсальный тип активности, который реализуется в том, что человек всю природу превращает в свое неорганическое тело. Для человека в производстве сама его жизнедеятельность становится особым предметом. В практической переработке предметного мира человек самоутверждается в качестве

родового существа. Производство в условиях свободы от непосредственной физической потребности является его, производства, истинной формой. В предметах труда опредмечена родовая жизнь, в предметности человек удваивает себя реально и созерцает себя в созданном им мире.

2. Нельзя «общество» как абстракцию противопоставлять индивиду. Индивид есть общественное существо: всякое проявление его жизни является проявлением и утверждением общественной жизни. Бытие и мышление находятся в единстве друг с другом.

3. Человеческие чувства и свойства формируются в совместной деятельности. Предметная сторона практики выступает основой, порождающей и развивающей богатство человеческой чувственности.

4. В общественном состоянии разрешение теоретических противоречий возможно лишь практическим путем.

5. История человека есть часть истории природы, поэтому в будущем естествознание включит в себя науку о человеке, а наука о человеке включит в себя естествознание. Общественная действительность природы и естественная наука о человеке суть синонимы.

6. Коммунизм как положительное упразднение частной собственности (самоотчуждения человека) есть присвоение своей сущности человеком, возвращение человека к самому себе как существу общественному. «Такой коммунизм как завершенный натурализм тождественен гуманизму, а как завершенный гуманизм – натурализму. В нем находят разрешения противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он – решение загадки истории» [2, с. 119].

Во-вторых, марксизм – это про человека, действующего в истории согласно своим целям. И тот, кто желает разобраться с ними обоими – с историей и сущностью человека – необходимо обращаются к марксистскому наследию. Как пишет А. И. Комаров: «Человеческий способ жизнедеятельности, совместный и предметный, производящий, оказывается предельным типом жизни, в его рамках жизнь делает сама себя своим предметом, в деятельности и через деятельность человека природа относится сама к себе. Это жизнь, порождающая себя, «жизнь жизни», универсальный тип жизни. Производство, выступающее здесь самопроизводством, и есть, по Марксу, специфически человеческая родовая жизнь, человеческая форма обмена, практика, порождающая своим движением многообразие своих собственных форм, т.е. субстанция деятельности» [2, с. 120].

Сейчас перспективы для марксизма быть одной из наиболее востребованных и перспективных методологий исторических исследований на постсоветском пространстве выше, чем сразу после распада СССР в начале 90-х XX в. Ведь уже подросло новое поколение постсоветских исследователей-историков, которые могут взглянуть на марксистскую концепцию понимания истории и человека, развития общества и всех родовых сил человека, с иной точки зрения. И эта точка зрения будет более взвешенной, разносторонней, «взрослой», без

излишнего эмоционального отношения (как со знаком плюс так и со знаком минус). Она будет в гораздо меньшей степени зависеть от не-оправданной индоктринации и политизации процесса познания как коммунистическим прошлым, так и капиталистическим настоящим. В гораздо большей степени она будет зависеть от насущных потребностей современного человека, который в очередной раз в истории своего существования поставлен перед необходимостью собственного переопределения, необходимостью заново определять пределы своей человечности, культурности, социальности и историчности. Это значит, есть реальный шанс говорить о повышении степени объективности и научности исторического знания в постижении всеобъемлющего социально-исторического процесса.

Литература

1. Берков В. Ф. Судьба работы К. Маркса «Тезисы о Фейербахе» в советской философской литературе. Социология. 2016. № 1, С. 69–75.
2. Комаров А.И. Марксизм и проблема деятельности. Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 2, С. 114–122.
3. Костылев В. С.П. Карпов. История или политическая конъюнктура. URL:<https://proza.ru/2016/10/30/180> (дата доступа: 22.09.2017).
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М.: Гос. изд-во политической литературы. Т. 2. 1955. 651 с.
5. Сагановіч Г. Аблічччч вольнадумства у БССР: Мікола Прашковіч і вялікая дыскусія пра гісторыю. URL:<https://www.facebook.com/kalegium/videos/129064495865143> (дата доступа: 16.04.2021).
6. Семенов Ю. И. Мой «путь в первобытность» // http://www.scepsis.net/library/id_142.html (дата доступа: 23.09.2017)
7. Соловьев С. М. «Деидеологизация» и новые мифы. О некоторых особенностях историографической ситуации конца 1980-х годов. Свободная мысль. 2013. № 4. С. 5 – 19. URL: <http://svom.info/entry/363-deideologizaciya-i-novye-mify/> (дата доступа: 23.09.2017).

*Шандра Ірина Олександрівна, доктор історичних наук, професор,
професор кафедри історії, музезнавства та пам'яткознавства,
Харківська державна академія культури*

СІЛЬСЬКОГОСПОДАРСЬКІ ТОВАРИСТВА УКРАЇНСЬКИХ ГУБЕРНІЙ: СТРАТЕГІЇ ПРЕДСТАВНИЦТВА (ДРУГА ПОЛОВИНА ХІХ – ПОЧАТОК ХХ СТ.)

Невід'ємною складовою добробуту й процвітання будь-якої країни є розвинене представництво інтересів аграріїв. З року в рік Україна нарощує свої обсяги як світовий експортер аграрної продукції. Наша держава входить до п'ятірки найбільших експортерів сільгосппродукції до Європейського Союзу. У часи тотальної планетарної діджиталізації аграрне виробництво все одно